

Обзоры и рецензии * *Reviews*

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.4.08>

С. И. Липатов, Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1972.

21 декабря 1972 года на Ученом совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета С. И. Липатов, преподаватель кафедры мордовской филологии Мордовского государственного университета, успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка». Официальными оппонентами выступили академик АН ЭССР доктор филологических наук П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук А. Феоктистов (Москва).

Следует подчеркнуть, что в финно-угорском языкознании диалектология по праву занимает одну из ведущих позиций. Начало изучения финно-угорских диалектов в сущности можно отнести к первым попыткам письменной передачи образцов речи финно-угров в самых различных местах их обитания (до конца XVIII века включительно). Однако специальные диалектографические работы с применением фонетической, а затем и фонематической транскрипции стали осуществляться не ранее середины и даже второй половины XIX столетия. Представители первых поколений лингвистов-финно-угроведов оставили богатейшие коллекции диалектных материалов почти по всем финно-угорским языкам, значение которых трудно переоценить. На основе полевых диалектологических записей, как уже изданных и снабженных переводами и соответствующим научным комментарием, так и рукописных, которые хранятся в специальных архивах СССР, Венгрии и Финляндии, в свое время были написаны не только первые грамматики и словари отдельных финно-угорских языков, но и обобщающие исследования в области сравнительно-исторического финно-угроведения.

Тем не менее и сегодня лингвисты сталкиваются с неравномерной изученностью диалектов ряда финно-угорских языков. Много «белых пятен» остается, в частности, на мордовской диалектологической карте. Одна из причин этого, как известно, кроется в исключительно некомпактном расселении носителей мордовских диалектов и говоров, что, в свою очередь, объясняется миграциями их, вызывавшими то отдаление друг от друга, то смешение говоров на мордовской языковой территории. В связи с этим изучение мордовских диалектов приобретает особое значение, поскольку разыскания диалектологов одинаково необходимы при исследовании истории мордовских языков и этнической истории мордовского народа.

С. И. Липатов посвятил свою диссертацию монографическому исследованию фонетической системы, а также важнейших морфологических и лексических особенностей рыбкинско-мамолаевских говоров мокша-мордовского языка (в основу названия говоров легли наименования двух наиболее крупных населенных пунктов на исследуемой диалектной территории: сел Рыбкина и Мамолаева). Актуальность указанной темы несомненна: как правильно отметил диссертант, данные говоры (их носители — около 16 тыс. человек — проживают в 28 населенных пунктах, расположенных на территории почти 750 кв. км по обоим берегам реки Мокши в среднем ее течении) еще не подвергались сколько-нибудь систематическому изучению, хотя они во многом отличаются от других мокшанских диалектов и имеют немало специфических особенностей.

Основой исследования послужили многолетние полевые наблюдения автора, который, между прочим, и сам является

носителем одного из говоров рыбкинско-мамолаевского куста. Диссертация состоит из обширного введения, трех глав и нескольких приложений. Во введении даны достаточно полная историко-этнографическая характеристика рассматриваемого диалектного ареала, а также краткий очерк истории изучения мордовских диалектов. Кроме того, здесь определены основные задачи исследования, приведены списки условных обозначений, объяснена система авторской транскрипции и т. д. В главах диссертации систематически и преимущественно в синхронном плане рассмотрены все основные вопросы фонетики, морфологии и лексики рыбкинско-мамолаевских говоров мокша-мордовского языка. Работа С. И. Липатова снабжена ценными приложениями, в которых имеются подробнейшие таблицы склонения и спряжения, обширный словарь диалектных слов и образцы диалектной речи. На стр. 24 помещена удачно составленная карта исследуемого диалектного ареала. На стр. 161—167 подведены итоги исследования рыбкинско-мамолаевских говоров, которые С. И. Липатов определяет как переходные между юго-восточным (инсарским) и центральным (краснослободско-темниковским) диалектами мокша-мордовского языка.

Остановимся на характеристике некоторых кардинальных особенностей говоров.

В области фонетики. В отличие от мокшанского литературного языка и многих мокшанских диалектов, где согласные *š* и *ž* могут быть только твердыми, не имеющими мягких аллофонов, в рыбкинско-мамолаевских говорах эти фонемы выступают только в виде мягких *ṣ̌* и *ẓ̌*, не имеющих твердых пар. Например: *šama* 'лицо', *šov* 'пена', *ši* 'день, солнце', *pižā* 'зеленый, незрелый', *kaž* 'зло'. Примечательно, что в записях Х. Паасонена рассматриваемые консонанты в указанных говорах представлены еще в виде твердых *š* и *ž*. Например: *fišasta* 'из травы', *käži* 'злой', *ašaš* 'нет'.¹

По нашим наблюдениям, современный ареал распространения мягких *ṣ̌* и *ẓ̌* выходит за пределы указанной диалектной территории. В частности, это явление прослеживается в соседних говорах — к северо-востоку и к югу от рыбкинско-мамолаевского куста вплоть до самой границы между мокшанскими и эрзянскими говорами.

Отсутствие звонких согласных в абсолютном начале слова — наиболее характерная черта и кардинальная особенность, отличающая исследуемые говоры от других мокшанских и эрзянских говоров и диалектов.

За исключением сонорных *m*-, *n*-, *ŋ*-, *l*-, *l*-, *r*-, *ř*-, а также фрикативного *v*- и дорсального *j*-, звонкие согласные *b*-, *g*-, *d*-, *ḍ*-, *z*-, *ž*-, *ẓ̌*- в данных говорах оглушаются и при фонетическом освоении заимствованных слов, в том числе и новейших заимствований: *tile-xtar* < рус. *директор*, *ko-ral* < рус. *город*, *pañā* < рус. *баня* и т. д. Не составляют в этом отношении исключения и ономастопозитические слова: *sojñams* (в других диал. *zojñams*) 'жужжать, звенеть', *šolñams* (в других диал. *žolñams*) 'журчать' и т. д. Как известно, в финно-угорском языке-основе начало слова характеризовалось указанной особенностью, которая затем была утрачена в ряде современных финно-угорских языков, в том числе и мордовских (за исключением рыбкинско-мамолаевских говоров и многих говоров юго-восточного диалекта мокша-мордовского языка. Но в эрзя-мордовском языке тотальное глухое начало слова не отмечено ни в одном из изученных говоров и диалектов).

В области морфологии наибольший интерес представляет образование форм объектного спряжения, которое отличается в рассматриваемых говорах большей полнотой парадигмы. В рыбкинско-мамолаевском кусте выработались специальные формы 1-го и 2-го лица мн. ч. в объектном ряде *šiiñ* 'их' (в литературном языке этот ряд имеет одни и те же форманты с объектным рядом *soñ* 'его (ее)'), например, в индикативе:

¹ Mordwinische Volksdichtung. IV Band. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben und übersetzt von Paavo Ravila (= MSFOu XCI), Helsinki 1947, стр. 3—5.

		Рыбкинско-мамолаевские говоры	Мокш. лит. язык						
мы	<table border="0"> <tr><td>его</td><td rowspan="2">]—любим</td></tr> <tr><td>их</td></tr> </table>	его	]—любим	их	<table border="0"> <tr><td><i>kelksašk</i></td><td rowspan="2">]—</td></tr> <tr><td><i>kelksajñak</i></td></tr> </table>	<i>kelksašk</i>	]—	<i>kelksajñak</i>	<i>kelksašk</i>
его	]—любим								
их									
<i>kelksašk</i>	]—								
<i>kelksajñak</i>									
вы	<table border="0"> <tr><td>его</td><td rowspan="2">]—любите</td></tr> <tr><td>их</td></tr> </table>	его	]—любите	их	<table border="0"> <tr><td><i>kelksašt'</i></td><td rowspan="2">]—</td></tr> <tr><td><i>kelksajñt'</i></td></tr> </table>	<i>kelksašt'</i>	]—	<i>kelksajñt'</i>	<i>kelksašt'</i>
его	]—любите								
их									
<i>kelksašt'</i>	]—								
<i>kelksajñt'</i>									
в императиве:									
бы любите—	<table border="0"> <tr><td>его</td><td>—</td><td><i>kelgəšt'</i></td><td rowspan="2">]—</td></tr> <tr><td>их</td><td>—</td><td><i>kelgijəñt'</i></td></tr> </table>	его	—	<i>kelgəšt'</i>	]—	их	—	<i>kelgijəñt'</i>	<i>kelgəšt'</i>
его	—	<i>kelgəšt'</i>	]—						
их	—	<i>kelgijəñt'</i>							
в конъюнктиве:									
мы бы любили—	<table border="0"> <tr><td>его</td><td>—</td><td><i>kelgəlašk</i></td><td rowspan="2">]—</td></tr> <tr><td>их</td><td>—</td><td><i>kelgəliñak</i></td></tr> </table>	его	—	<i>kelgəlašk</i>	]—	их	—	<i>kelgəliñak</i>	<i>kelgəlašk</i>
его	—	<i>kelgəlašk</i>	]—						
их	—	<i>kelgəliñak</i>							
вы бы любили—	<table border="0"> <tr><td>его</td><td>—</td><td><i>kelgəlašt</i></td><td rowspan="2">]—</td></tr> <tr><td>их</td><td>—</td><td><i>kelgəlijəñt'</i></td></tr> </table>	его	—	<i>kelgəlašt</i>	]—	их	—	<i>kelgəlijəñt'</i>	<i>kelgəlašt'</i>
его	—	<i>kelgəlašt</i>	]—						
их	—	<i>kelgəlijəñt'</i>							

Конъюнктив отличается и формами 3-го лица ед. ч. объектных рядов *soñ* 'его (ее)' и *šiñ* 'их', например: *kelgəl'cä* (лит. *kelgəläžä*) 'он бы любил его (ее)', *kelgəl'cäñ* (лит. *kelgəläžäñ*) 'он бы любил их'.

В описываемых говорах существенные расхождения с другими диалектами наблюдаются в образовании отрицательных форм условного и условно-сослагательного наклонений, например: *moləft'āran* 'если я не пойду', *moləft'ārat* 'если ты не пойдешь' (усл. накл.), *moləft'āraləñ* 'если бы я не пошел', *moləft'āralət'* 'если бы ты не пошел', *moləft'āral'* 'если бы он не пошел' (усл.-сосл. накл.). В составе суффиксов образования отрицательных форм указанных наклонений *-ft'ār-* и *-ft'āral-* выступает элемент *-f-*, восходящий к отрицательной частице *af* 'не ... ; нет'. Синтетические формы отрицательных условного и условно-сослагательного наклонений встречаются еще в соседних говорах юго-восточного диалекта мокшанского языка. В эрзя-мордовском языке это явление не зафиксировано еще ни в одном говоре.

Характерно для рассматриваемых говоров довольно широкое употребление причастий на *-ñ*: *t'erđəñ inž'i* 'приглашен-

ный гость' (в других диал. *t'erť inž'i*), *ramañ kotf* 'купленная ткань' (в других диал. *ramaf kotf*) и др.

Из деепричастных образований отметим форму на *-mək*, которая употребляется в говорах (она перешла и в литературный язык) для обозначения действия, предшествующего другому действию или моменту речи, например: *samək kudu*, *anañ jakcəms* 'придя домой, я попросил поесть', *šizəmək satəmška*, *ozañ vajmata* 'порядочно устав, я сел отдохнуть' и др.

Несомненный интерес в диссертации представляет II приложение, в котором приведен словарь рыбкинско-мамолаевских говоров (стр. 199—220). Диссертанту удалось зафиксировать и тем самым ввести в оборот науки несколько десятков диалектных слов, которые или вовсе не представлены в других мокшанских диалектах, или же имеют другую семантику и другое фонетическое строение. Приведем некоторые из них: *abəñks* 'неповоротливый, ленивый, пустой человек', *avəž-baba* 'теща', *ažalak* 'вежливый, ласковый', *ajdar* 'большая деревянная палка', *ajmak* 'приблизительное место, сходство', *alakəčñəms* 'смущаться', *argəmbərga* 'паслен', *atnaj* 'малое дитя', *varmañ-grandas* 'укроп', *vəđəidəms* 'поглаживать, украсть', *vəlavə-j* 'пологий', *vəlkšta-dəms* 'быстро выскочить из отверстия',

värmät'kstavams 'пристать, заупрямиться', *vāramāms* 'упасть без чувств', *ižā'dāms* 'обмануть, ударить сильно', *izgār* 'придира', *jābāi'* 'все-таки', *kažgā* 'отходы от картошки при получении крахмала', *kažnuməl* 'тушканчик', *kalgāstāms* 'небрежно повесить (одежду)', *kali:ga* 'пьяница', *kaL'čana* 'водянистый (хлеб)', *kannaj* 'глинобитная мазанка, кладовка', *kamožāms* 'копашиться', *kañdeka* 'деревянная миска с узорами', *karāš* 'фитиль', *katārdāms* 'одеревенеть, остолбенеть', *kaftāšariñā* 'велосипед', *kezga* 'толстый, здоровый', *kižādāms* 'наострить уши, приготовиться (о лошади)', *kovařāš* 'клёцка', *kopcāřtāms* 'хрустеть', *kořka* 'мячик', *kstardāms* 'прогнать быстро', *kstardāvāms* 'сильно захотеть, приспичить, обостриться (о болезни)', *kamaže* 'амбар с зерном', *kašni'ndāms* 'заартачиться, закапризничать (о детях)', *kačkāldāms* 'очень быстро съесть, проглотить', *laši-čā* 'ласка (зоол.)', *li:k* 'портрет, фотокарточка', *luvādāms* 'долбить дерево для корыта', *luža-dāms* 'износиться (об одежде)', *lāpāndāms* 'жадно и много пить', *madama* 'переход, мостик', *mička* 'мяч', *malāšāli* 'правда (утверд. частица)', *mākt* 'требуха', *narto-rkš* 'дерн', *ñeđiñā* 'деревянная мерка емкостью в одно ведро', *ñekāř* 'чахлый, физически очень слабый', *niL'čijāms* 'без настроения бродить, неуклюже шагать', *nālna-j* 'даже', *oigadāms* 'ластиться', *orvañā*, *orbañā* 'столбик', *orkadāms* 'угодить неожиданно в яму', *ořtām-bokāks* 'шиповник-куст', *ot'ññā'dāms* 'обругать', *pažā* 'свояк', *pačkāstāms* 'тайком дать', *parlak* 'целина', *pača* 'хорек; блин', *pač-ke-t'i'* 'волосы', *pačlāčā* 'полотенце с узорами', *pači-ñchāj* 'шерстяной платок с цветами, персидский платок', *puřgā* 'слизь', *pañda-m-bār* 'бурав', *pařvād'e-ñāč* 'расточительный человек', *pačā-rdāms* 'допросить, заставить признаться', *šijā* 'сом', *smušt'* 'особый прием во время борьбы', *sokřtāms* 'дрожать от холода', *sorga* 'женское украшение на ушах (из пуха)', *suzāks* 'проток у пруда', *sāčkāndāms* 'стараться, пытаться', *sātāñčā* 'радостная весть', *taņgad'āms* 'сильно натужиться', *tātāřtāms* 'тайком угостить, дать что-л.',

t'egāms 'быстро бежать', *t'oñt'ā* 'толстая, неопрятная женщина', *topana* 'пухленький', *tujgān* 'дурак, толстый и недоразвитый ребенок', *tujōnda-mš* 'избить; вести большой груз; раздуться (о животных)', *turādāms* 'стараться, пытаться убедать (о животных)', *turna* 'очень грязно; сильная непогода, буря', *t'uK't'ā* 'нечистоплотный', *tufks* 'мышеловка', *tāņkřtāms* 'быстро довести, доставить', *tārgāškādāms* 'закапризничать (о детях)', *t'ār'kātāms* 'сильно растолстеть', *čākač* 'зубило', *čāknāms* 'хотеть', *čāřva-k* 'пила', *šleņgāms* 'сильно промочить под дождем, бить мокрой тряпкой', *šot* 'скелет', *šulā* 'сосновая шишка', *ār'kāldāms* 'ударить изда-лека палкой', *ār't'āms* 'ударить; сфотографировать', *āškād'āms* 'попасть в трудное положение' и т. д., и т. п.

У рецензента есть ряд критических замечаний по работе С. И. Липатова.

Во введении автор говорит о значении работ Х. Паасонена по мордовским языкам, но упоминает лишь его «Mordvinische Lautlehre» (= MSFOu XXII, Helsingfors 1903). Здесь уместно было бы подробно остановиться на анализе его записей по некоторым говорам исследуемого диссертантом ареала, которые вошли в IV том фундаментального сборника мордовских диалектных текстов «Mordwinische Volksdichtung».

В примерах на фонематическое противопоставление согласных встречаются однообразные и нетипичные иллюстрации. Так, фонемы *n* — *ñ*, *t* — *t'* (стр. 31—32) иллюстрируются примерами, в которых указанные единицы стоят лишь в ауслауте.

На стр. 44 в диссертации говорится, что в мокшанских говорах сел Колопина и Шайгова в абсолютном начале слова выступает только йотированное *ä* «вместо *ä* переднего ряда». Однако с исторической точки зрения точнее говорить о сохранении или же протезе *j*- в мордовских говорах. См. мокш. *āj* или *jāj* 'лед' (ср. венг. *jég*, фин., эст. *jää*), мокш. *ār'kā* или *jār'kā* 'озеро' (ср. эст. *järv*, фин. *järvi*), мокш. *itāms* или *jutāms* 'пропасть, исчезнуть' (ср. коми *ямны* 'спадать, убывать, снижаться (о воде)', мар. *ямаш*, *йомаш* 'пропадать, исчезать',

эрг. *jotams* то же), но мокш. *al* или *jäl* 'подол' (ср. мар. *элте* 'охапка, вязанка, ноша', манс. *äl* 'подол', удм. *ал* 'лоно, подол, передник'. В коми *волöдз* 'передняя часть подола, в которую что-л. кладут' *u-* является протетическим, точно так же и в мокш. *jäl j-* не первичен), мокш. *äžam* или *jäžam* 'лавка (в избе)' (ср. коми *öзын* 'берег, к которому причаливают или куда выкатывают сплавной лес; причал', фин. *asema* 'станция, место, пост') и т. д.

Несколько категоричным (и, к сожалению, не подтвержденным данными эксперимента) представляется указание автора о том, что «в сложном слове у каждого компонента свое ударение» (стр. 45). Напротив, по нашим сведениям, в мокшанском языке словосочетание обычно переходит в разряд сложных слов с момента утери одним из его компонентов своего ударения. Это, между прочим, подтверждает и диссертант, отметивший, что «при образовании сложных слов... во втором компоненте выступает уже побочное ударение» (стр. 54).

На стр. 46 говорится, что «в непервом слоге слова *и* под ударением не встречается, за исключением заимствованного слова *ш'ч'äт'йна*». Однако это «исключение» можно дополнить целым списком других заимствований, в которых ударение падает на *i* непервого слога слова, например: *кар'и-но*, *маši-на*, *Мари-на* и т. д.

Следовало шире раскрыть сущность сингармонизма в мордовских языках, принимая при этом во внимание качество не только гласных, но и согласных (стр. 60).

Терминологически неправомерно говорить о том, что «многие (? — А. Ф.) согласные образуют пары по твердости и мягкости» (стр. 64). Известно, что в мордовских языках фонемагически противопоставляются друг другу только твердые и мягкие переднеязычные согласные: *d — d'*, *z — ž*, *l — l'*, *n — n'*, *r — r'*, *s — š*, *t — t'*, *c — č*, в мокшанском также *l — l'*, *к — к'*.

На стр. 67 формулировку «В заимствованном слове *суркуч'* 'сургуч' даже в середине слова после сонорного *p* озвончение *к* не происходит» следовало дать в иной редакции, меняющей коренным образом суть дела: «В заимство-

ванном слове *суркуч'* < рус. *сургуч* даже после сонорного *p* произошло оглушение *з* > *к*».

На стр. 74—91 раздел об употреблении согласных в середине слова нуждается в более компактном, кратком изложении.

Следовало бы шире раскрыть § 23 (стр. 102—103) о палатализации согласных и, в частности, остановиться на генезисе мягких *š* и *ž* в рассматриваемых говорах.

В разделе о комитативе приведена иллюстрация: *котэн'эк мол'тамъ ш'колав* 'вшестером пойдем в школу'. Словоформа *котэн'эк* в этом предложении является не падежной формой комитатива, как это утверждает автор диссертации, а счетно-личным местоимением типа *škamän* 'я один', *kotänant* 'вы вшестером' и т. п.

На стр. 114 утверждается, что «в отличие от литературного языка, в отдельных... говорах существительные с основой на *n* в указательном склонении изменяются по четырем падежам, т. е. имеют еще форму изъятельного падежа». По мнению диссертанта, например, в словоформе *сьман'т'фт'эмä* (в его переводе — 'без зипуна этого, того') первое *-т'* в середине слова является формантом генитива указательного склонения, стоящим перед обычным формантом изъявительного падежа *-фт'эмä*. По нашему же мнению, здесь нет никакого особого падежа. В данном случае мы имеем дело с чистым фонетическим явлением, а именно протезой *-т'* в позиции после сонорного *n* (*n'*) и перед фрикативным *ф*. Ср. в других примерах из диссертации же: *тан'т'ф* (вместо *тан'ф*) 'вкус', *ш'ин'т'ф* (вместо *ш'ин'ф*) 'пар' (стр. 78). Это явление протезы *т'*, по нашим сведениям, имеет место в мокшанских говорах и некоторых других регионов.

В словах *Ил'гä* (Илья), *Мар'гä* (Марья) *-gä* автором рассматривается как «пренебрежительный суффикс» (стр. 113). Между тем здесь мог иметь место переход не свойственного для мордовских языков звукосочетания *йа* > *гä* в середине и конце слова после палатализованных согласных, т. е. *Ил'гä* могло быть получено непосредственно < рус. *Ил'йа*, а *Мар'га* < *Мар'йа*, где *-йа* на

мордовской почве дало *-gã*. Ср. эрз. диал. *обезган* < рус. обезьяна.

В конце § 38 (стр. 130) утверждается, что «суффикс *-ц'ã* образует относительные прилагательные от немногих наречий, например: *инггъл'ã* 'вперед' — *инггъл'ц'ã* 'передний'» и т. д. Но, по-видимому, точнее было сказать об образовании этих прилагательных от существительных типа *инголь* 'передняя часть', *фтал* 'тыл, задняя часть' и т. п., из застывших падежных форм, от которых, как известно, произошли и указанные в диссертации наречия.

Повтор одной и той же основы типа *figura etymologica* (*самат' сай* 'прийти-то придет', *мол'эмат' мол'ан* 'пойти-то пойду' и др.) нет никаких оснований рассматривать как «способ выражения настоящего-будущего времени» (стр. 142). В таком случае и образования типа, например, *самат' саб* 'прийти-то пришел', *ту-*

мат' тус' 'уйти-то ушел' и т. п. следовало бы интерпретировать как «способ выражения» прошедшего времени. На самом же деле временные отношения в указанных случаях обоюбого порядка выражены только во втором компоненте этимологических фигур (*сай, мол'ан; сас', тус'*).

Отмеченные недочеты ни в коей мере не снижают значительных достоинств диссертации С. И. Липатова. Автор сумел найти актуальную проблему, собрал огромный материал, который проанализировал на соответствующем научном уровне. Работа С. И. Липатова «Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка» представляет собой ценное исследование по мордовской диалектологии и несомненно вызовет большой интерес среди финно-угроведов.

А. П. ФЕОКТИСТОВ (Москва)

В. С. Щемеров а, Отрицание в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1972.

23 ноября 1972 года на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником сектора языка Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР В. С. Щемеровой на тему «Отрицание в мордовских языках». Официальными оппонентами были доктор филологических наук И. С. Галкин (Юшкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Д. В. Цыганкин (Саранск).

Вряд ли нужно говорить о том значении, какое имеет появление работы, посвященной такой актуальной и вместе с тем совсем еще не исследованной проблеме — грамматическому отрицанию в мордовских языках.

Рецензируемая диссертация представляет собой в этой связи первый опыт монографического исследования данной темы. Основной задачей, поставленной в ней и в известной мере предопределяющей характер, структуру всей работы, является всесторонний анализ тех грамматических средств, с помощью которых выра-

жается отрицание, раскрывается генезис отрицательных форм. С поставленной задачей В. С. Щемеров а вполне справилась.

Диссертация выполнена в сравнительно-историческом плане. Достоинство ее, несомненно, и в том, что для сравнения широко приводятся данные других финно-угорских языков, особенно если речь идет об истории отрицательных глаголов и их форм.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Во введении дан общий обзор истории разработки вопроса о грамматическом отрицании как в русском, так и в финно-угорских, в частности мордовских, языках, определены основные методологические и методические принципы исследования, рассмотрена литература по данной теме. В целом вводная часть выполнена в высшей степени корректно. Однако не все в ней одинаково убедительно — сомнения и вопросы вызывают отдельные суждения автора о характере и сущности отрицательных слов и модальных частиц, о сходстве и различии между этими категориями слов.